

В этом рассказе описывается истинное происшествие. Что касается образа коммунистки, исполнившей ленинское поручение, то с ее биографией автор позволил себе обращаться свободно, впрочем, как он надеется, не погрешив при этом против духа и нравов эпохи.

РАНИМ апрельским утром секретарша, внеся Ленину на подпись несколько бумаг, была озадачена его отсутствующим взглядом; он против обыкновения не отозвался на ее приветствие, на вопрос о каком-то деле ответил невпопад, и только, когда она уходила, как бы очнувшись и остановив ее возгласом:

— Одну минутку.
Она вернулась и замерла возле письменного стола, на котором слева лежала стопочкой мелкоисписанные страницы начатой вчера Лениным статьи «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», справа — протоколы Государственной комиссии по электрификации России при электротделе ВСНХ, а посредине — только что принесенные бумаги, которые Ленин должен был подписать.

Ленин в состоянии как бы нерешительности по барабанил пальцами по столу, затем быстро спросил:

— Не знакомы ли вы с эмигрантских времен с некоей Софьей Марковной, которая работает, как мне кто-то говорил, в Наркомбезе?*

Секретарша смутно помнила какую-то Софью Марковну не то по Женеве, не то по Парижу.

— Не знаю, та ли это, — сказала секретарша неуверенно. — Она не меньшевичка?

— Меншевичка, меньшевичка, — живо отозвался Ленин. — Именно. Бывшая.

— Бывшая?

— Да, мне говорили, что она с полгода назад вступила в РКП. Пожалуй, пригласила ее ко мне. Сегодня вечером. После заседания Совнаркома. Когда все наркомы разошлись. — Он добавил просительно: — И, пожалуйста, чтобы никто из них ее у меня не видел. Условились?

Секретарша кивнула несколько более чопорно, чем обычно, — ее немножко задела секретность предстоящего свидания Ленина с какой-то таинственной особой.

Вечером «особа» явилась.

Софья Марковна была толстая коротышка, страдавшая начинавшейся астмой, лет сорока — пяти, с коротко подстриженными черными волосами, стоявшими торчком и мелко вьющимися, что делало ее, при ее толстых губах, смуглом лице и черных, как уголь, живых глазах, похожей на негритянку. На ней была старая шляпка, которую она сняла, но не вытаскала из рук, длинное черное платье, а поверх платья — облезлая кожаная куртка, когда-то черная, а теперь почти белая.

Узнав, что ее вызывает Ленин, она взволновалась донельзя и, усевшись на стул, каждые две минуты выстреливала в высокий потолок секретарской комнаты слова недоумения и целые тирады воспоминаний:

— В чем дело?
— Зачем я ему нужна?
— Вот это да!
— Знакома я с Владимиром Ильичем, надо полагать... со второго года... Нет, псхалуй, с третьего... Или со второго? — Где мы с ним познакомились?! В Женеве! Нет, в Лондоне!.. А может быть, в Берне? Он меня раза два сильно отругал в своих выступлениях... И, представьте, я ему отвечала руганью. Кто мог знать, что Ленин — это Ленин? Для того, чтобы это тогда понять, надо было быть умнее меня... А если бы я была умнее, я не околачивалась бы у меньшевиков лучшие годы жизни.

— Интересно, что он от меня хочет? Он вам действительно ничего не говорил? Я принесла с собой на всякий случай кое-какие цифры, краткий отчет о работе Соеза по моему отделу. Понимаете, я занимаюсь инвалидами, их обеспечением, костылями, колясками, очками... Как это тяжело, если бы вы знали... Но кто-то же должен это делать!..

Секретарша вышла в приемную и встала у окна в ожидании. Наркомы уже начали расходиться из зала заседаний. Чичерин поклонился ей по старомодному низко, а затем смешно и мило просеменил к выходу. За ним вышли, оживленно разговаривая, с толстыми напиханными до отказа портфелями в руках, Цюруп и Курский. Луначарский постоял в дверях, доругиваясь с Семашко, потом, увидев секретаршу, вспомнил, что обещал ей контрамарку в Художественный театр и тут же написал записку администратору. Дзержинский задержался у Ленина дольше всех; выйдя, он молча пожал ей руку и быстро прошел дальше. Все затихло. Кто-то из охраны выключил свет в коридоре. Сразу стало полутемно и пустынно. Пахло старой бумагой, лавровым листом и мышами. Дверь из зала заседаний медленно отворилась, и Ленин появился в проеме.

— Ну? — спросил он.
— Пришла, — сказала секретарша и, дернув себя в свою комнату, поманила за собой Софью Марковну. Они прошли через зал заседаний, секретарша отво-

рила дверь в кабинет и пропустила Софью Марковну туда.

Увидев Ленина за ярко освещенным прямоугольником письменного стола, Софья Марковна покраснела от волнения и, может быть, для того чтобы это скрыть, вместо приветствия выпалила:

— Зачем я вам понадобилась вдруг? Ленин засмеялся.

— Удивляетесь? — спросил он, приподнимаясь и протягивая ей руку. — Понадобились, как видите. Садитесь.

Когда она села в кожаное кресло, он стал ходить по комнате, затем снова сел к столу. Свет лампы падал вниз, и лицо Ленина было в тени, но Софья Марковна не могла не обратить внимания на то, как бледно и измучено его лицо. Она с трудом удержала возглас тревоги, ничего не сказала, наоборот — нахмурилась и постаралась придать своему лицу независимое и даже чуть ироническое выражение.

Между тем Ленин откинулся на спинку стула, посмотрел на Софью Марковну в упор и спросил:

— Не знаете ли вы, Софья Марковна, где Юлий?

Она даже глаза раскрыла от неожиданности и сразу же обиженно затарахтела, как телега по булыжной мостовой:

— Что вы, Владимир Ильич! Разве вы не знаете, что я вступила в РКП? И что я не имею ничего общего с меньшевиками? И что я считаю меньшевизм пройденным этапом рабочего движения и моей личной жизни? Вы сомневаетесь в моей искренности или как мне вас понять?

— Ничуть не сомневаюсь, — мягко возразил Ленин. — Успокойтесь, пожалуйста. Я хочу вам поручить одно дело. Вы должны узнать, где Юлий, повидаться с ним и передать ему от моего имени... нет-нет, не записывайте. Запомните. Вы же старая подпольщица. Конспираторша. А мы с вами теперь конспирируем... Итак, в пятницу, в одиннадцать часов вечера от первой платформы Балтийского вокзала отходит последний — заметьте, последний — пассажирский поезд на Минск и Варшаву. Последний, потому, что мы ожидаем буквально в ближайшие дни начала войны с Польшей. Да-да, поляки со дня на день начнут военные действия. Сведения, к сожалению, самые точные. Разумеется, вы не должны никому об этом говорить, это пока государственная тайна... но положение именно таково. Передыхаю кончилась. Вот такая история, Софья Марковна. — Он помолчал, потом, словно бы отстранив от себя тяжелые мысли и даже сделав отстраняющий жест рукой, продолжал: — Значит, если Юлий хочет, он может сесть в этот поезд, в шестой вагон, место пятнадцать. Там, в вагоне, будут знать. А не захочет, тогда пускай остается в подполье, это его дело... Меншевики — вы это, конечно, знаете, — на всех парах идут к созданию антисоветского подполья. Юлия, своего лидера, они уже запытали... Но терпеть антисоветское подполье в условиях войны и разрухи мы не сможем. Мы на это не пойдем. В России может быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура капиталистов и помещиков через царя или без него. Кто выступает теперь против диктатуры пролетариата, тот выступает за ту, другую диктатуру. Мартов — враг, потому что он выступает против пролетарской диктатуры. Вы всего этого не говорите ему, разумеется... Это бесполезно. Скажите ему только о поезде.

Софья Марковна сидела тихая, как мышь. Когда Ленин замолчал, она взяла с колен и надела свою черную шляпку, но без величественности заколола ее на волосах длиннейшей булавкой и поднялась с места.

— Два вопроса, — сказала она деловито. — Первый. Почему вы не поручите это дело Дзержинскому? — Потому что ему на это потребуется время, а поезд уходит послезавтра. Второй вопрос?

— Второй вопрос, — повторила она. — Надеюсь, что мне не вменяется в обязанность сообщить впоследствии кому бы то ни было... Ленин замахал руками.

— Что вы, — сказал он. — Это само собой разумеется. Ни в коем случае вы ни мне, ни кому-либо не расскажете, где Юлий скрывается... Ни под каким видом. Я вам просто запрещаю это мне докладывать. Даже Совнарком не будет поставлен в известность о нашем разговоре... Дело в том, что среди наркомов есть люди, — как бы вам это сказать, — более решительные ленинцы, чем сам Ленин.

— Хорошо, — сказала она и поплывала к выходу; она вдруг сделала несколько словной, и ее черные, как уголь, быстрые глаза смотрели задумчиво. У порога, однако, она снова повернулась к Ленину: — Владимир Ильич, вам отдыхать надо. Вы очень устали.

— А что, заметно? — спросил Ленин заинтересованно, словно ему сообщили любопытную новость.

— Замечто, да, да, да, — энергично произнесла Софья Марковна. — Учтите.

— Хорошо, учту. Обязательно.

— И еще одно, — сказала Софья Марковна, уже берясь за ручку двери. — Я неплохо знаю польский и могла бы пригодиться в армии. Теперь. В связи с текущим моментом. А? Обратиться в Наркомвоенмор? — И, не дожидаясь ответа, она вышла.

СОФЬЯ Марковна проснулась очень рано; еще когда она лежала с закрытыми глазами, ее обожгло ощущение чего-то необыкновенно важного и прекрасного, случившегося с ней и обогатившего ее жизнь. Ощущение это не прошло и позже, когда трезвый день вступил в свои права, и поручение Ленина потребовало спокойных размышлений и обдуманных действий.

Мысли, связанные с этим поручением, отвлекли ее от повседневной голодной жизни, от ее комнатухи, нетопленной и запущенной, — она в ней почти не жила, так как целыми днями и ночами сидела у себя в наркомате или ездила по мелким фабрикам и артелям, где изготавливались костыли, протезы и коляски. Близких у нее не было, муж от нее ушел в начале революции; этот тихий человек, врач, окончивший университет в Цюрихе, при ярком свете революционного зарева вдруг обнаружил, что вокруг ходят женщины гораздо более интересные и привлекательные, чем его жена. Она никогда не умела создавать домашний уют и следить за собой; все время она отдавала российским эмигрантам в Швейцарии — всем, кто в этом нуждался, независимо от партий и фракций — доставала им работу, жилье, устраивала их дела и улаживала неприятности: она была в Швейцарии, как дома, и в совершенстве владела всеми «швейцарскими» языками — французским, немецким и итальянским.

Одевшись и удостоверившись, что ни дров, ни хлеба у нее нет, Софья Марковна отправилась в наркомат. Здесь она зашла к наркому, Александру Николаевичу Винокурову, и сказала, что не сможет присутствовать на многочисленных заседаниях, назначенных на сегодня. При этом она сослалась на нездоровье, и ее черные живые глазки приобрили на минуту жалостное выражение.

Она вышла из Наркомбеза на весеннюю улицу. Быстрые мутные ручьи бежали рядом тротуарами. На бульварах было полно галок. Еще не зеленый, а скорей фиолетовый пушок появился на ветках деревьев. Софья Марковна шла наудачу, не зная толком, куда идет. Она все шла и шла, легкая от голода и от воспоминаний о вчерашнем разговоре. После этого разговора весенний теплый взбудораженный мир казался ей до того полным чудес, что она не удивилась бы, если бы первый попавшийся прохожий остановил ее и спросил: «Вам нужен Мартов? Идемте, я вас к нему отвезу». Однако, несмотря на свое странное возбужденное и в то же время какое-то блаженное состояние, она не переставала думать, соображать, взвешивать. И при виде галочных гнезд сказала себе: «Ба! Главное меньшевистское гнездо находится в ВСНХ!» После чего отправилась на Варварку, в Деловой двор, где помещался Высший Совет Народного Хозяйства.

В гулких коридорах Делового двора было грязно и шумно. Лифты не работали. Софья Марковна еле поднималась на верхний этаж, задыхаясь и с трудом переставляя ноги. Тут она расспросила про одного знакомого, бывшего члена ЦК РСДРП меньшевиков. Он перешел на службу к Советской власти и формально порвал с меньшевизмом, но Софья Марковна не очень верила в его искренность.

Она зашла к нему в большой кабинет. Он сидел за столом и сосредоточенно писал, положив пенсн перед собой на бумагу. Услышав скрип двери, он поднял голову, приложил к глазам пенсне, удивился, но ничего не сказал, только пригласил ее сесть.

— Мне нужно видеть Юлия, — сказала она.

— У него сверкнули глаза.

— Почему ты спрашиваешь о нем именно меня?

— Потому что ты знаешь, где он.

— От кого это тебе известно?

— Успокойся, не от Дзержинского. Догадалась сама.

— Ну, а если я знаю? Тогда что?

— Тогда ты должен меня с ним свести.

— Он законспирирован.

— Если бы он не был законспирирован, я бы сама его нашла.

Он задумался. Тогда начала задавать вопросы она:

— Ты меня знаешь?

— Да.

— Хорошо знаешь?

— Хорошо.

— Ты мне веришь?

— Верю. Но ведь...

— Да, я вступила в РКП. Но ты веришь моему слову?

— Допустим.

— Так вот, я даю тебе слово, что по моему следу никто к нему не придет. Ты слышишь? Я даю слово.

— Зачем он тебе? — спросил он, немилосердно теребя свою черную бородку.

— Я имею к нему поручение.

— От кого?

— Не могу сказать. Скажу только ему.

— Это важно? — спросил он, глядя на нее пронизывающе.

— А как ты думаешь, я стала бы взбираться пешком на пятый этаж?..

— Подожди.

Он встал и вышел из кабинета.

Она терпеливо ждала полчаса, сидя в глубоком кресле и барабанив зеленой

шарообразной головкой шляпной булавки по своей шляпке, которую сняла и положила на колени перед собой. Наконец дверь открылась, и хозяин кабинета вернулся вместе с Сухановым.

Не поздоровавшись, Суханов пристально посмотрел на Софью Марковну и сказал язвительно:

— Я вижу, что при однопартийной системе тебе живется неплохо. Выглядяешь ты прекрасно, не хуже, чем в Женеве на швейцарском сыре и молоке.

— Выходим из других партий, — ответствовала Софья Марковна, усмехаясь, — в РКП выдадут каждый день по курице. Хочешь быть толстым, переходи в РКП. Впрочем, ты всегда будешь тощий, потому что ты сам себя ешь.

— Не я себя ем, а однопартийная система меня съедает, — сказал Суханов серьезно.

Софья Марковна задорно рассмеялась.

— Очень ты ей нужен, — сказала она.

— Ей по зубам более питательная пища: Деникин, Колчак, Юденич...

— «Хватит пикироваться», — хмуро сказал хозяин кабинета.

— Значит, тебе нужен Юлий... — после некоторого молчания проговорил Суханов. — Очень нужен?

— Очень нужен.

— Я думаю, нет смысла тебя предупреждать...

— Да, нет смысла. Пославший меня дал мне заверения, что никаких сведений о месте пребывания Юлия от меня не потребуют.

— Пославший тебя! — сказал, усмехнувшись, Суханов. — Это звучит высокопарно.

Софья Марковна промолчала, только весьма многозначительно посмотрела на него из кресла, с которого не достигая пола, свисали ее короткие ножки.

— Ну, так что вы решили? — спросила она наконец.

— ЦК разрешает Мартову свидание с тобой.

В ВОСЕМЬ часов вечера возле памятника героям Плевны у Ильинских ворот к Софье Марковне подошел человек, в руках которого был зонтик с перламутровой ручкой, и она молча пошла за ним.

Человек с зонтиком повел Софью Марковну вовсе не на какую-нибудь дальнюю окраину Москвы, как она ожидала, а прямо к зданию ЦК на Лубянку, здесь повернул направо и вошел во двор большого дома в самом начале Мясницкой.

Софья Марковна удивилась, поняв, что конспиративная квартира находится рядом с ЦК, и усмехнулась, подумав, что бы сказал Ленин, если бы она ему про это сообщила.

Во дворе человек с зонтиком остановился, постоял в тени, посмотрел в упор на Софью Марковну и спросил простуженным голосом:

— Никто за нами не увязался?

— За мной, во всяком случае, никто, — отрезала Софья Марковна.

Они поднялись на верхний, восьмой этаж, затем еще выше по простой деревянной лестнице на чердак. Все это длилось очень долго, Софья Марковна шла медленно, на каждой площадке отдыхала и тяжело дышала, а человек с зонтиком останавливался на один пролет выше и смотрел на нее вниз нетерпеливо и как бы с укоризной.

Чердак оказался жилым. Вдоль длинного коридора по обе стороны были расположены комнаты, а между дверей расклеены плакаты: «Пролетарий, на коня!», «Ты записался добровольцем?», «Грудью на защиту Петрограда!» и другие.

Человек с зонтиком остановился возле одной из дверей, постучал два раза. Дверь открылась, и человек скрылся за ней. Минуты через три он вышел и пропустил в комнату Софью Марковну, а сам остался в коридоре.

Собственно говоря, Софья Марковна думала, что увидит не Мартова, а кого-нибудь другого из видных меньшевиков, который после разговора с ней поведет ее к Мартову. Она удивилась, увидев в маленьком мансарде с крошечным окошком самого Мартова. В комнатке стояла только железная койка, покрытая желтым больничным одеялом, и табуретка, на которой горел примус. Мартов сидел на койке, нагнувшись над примусом, и помешивал деревянной ложкой в кастрюле.

Мартов был худ, бледен, веки его вспухли. Его узкое лицо, узкая борода, узкое тело застыли в огромном внимании к вареву, которое кипело в кастрюльке, и, казалось, ничто на свете больше его не волнует. Но вот он положил ложку на табуретку, сунул узкие руки в узкие рукава обтрепанной фуфайки, которая была на нем, поднял глаза и посмотрел на Софью Марковну.

С минуту они молчали, глядя друг на друга пристально и напряженно.

— Ну? — спросил наконец Мартов. — От него?

— Да, — сказала Софья Марковна.

Лицо Мартова приняло зное и беспомощное выражение.

— Что ему нужно? — спросил он.

Он молча выслушал сообщение Софьи Марковны. По его лицу пошли красные пятна. Снова помешав ложкой в кастрюльке, он спросил, криво усмехнувшись:

— Пожалел?

— Может быть.

— Нет, не пожалел, — возразил он себе. — Хочет остаться чистеньким. Не желает руки пачкать в моей крови.

— Наверное, — спокойно согласилась Софья Марковна и так же спокойно спросила: — А разве это плохо? Разве хочется пачкать руки в твоей крови луже?

Он растерянно заморгал, махнул рукой и отвернулся.

Было, по-видимому, что-то в линии его сутулившейся спины и во всей жалкой обстановке комнаты, что заставило сердце Софьи Марковны сжаться. Она вспомнила весь путь дружбы — вражды Мартова и Ленина. Иногда он сблизился с Лениным, но всегда останавливался у последней черты. Что останавливало его? Какой-то порок в мышлении или ревнивое чувство, нежелание признать свою неправоту, неправоту всей своей жизни? Или ужас перед грядущими бурями, ужас, который был следствием политической бесхарактерности, но который он принимал за пророческие озарения?

И, думая про это, она вдруг со всей ясностью увидела лицо того, другого, который вчера вечером разговаривал с ней в Кремле. Какой-то неопределенный восторг наполнил ее душу, и она вдруг сказала:

— Ему очень трудно.

— А мне легко?! — взорвался Мартов и повернул к ней лицо. Но тут же успокоился и спросил с мальчишеским любопытством: — Что, плохо выглядит?

Этот неожиданный житейский вопрос не вывел ее из состояния восторга. Она сказала серьезно:

— Ему труднее.

Эти слова заставили Мартова вскопиться с места, и он закричал:

— Труднее? Ты так думаешь? Может быть! Но ведь сам!.. Сам взвалил на себя! Какая самонадеянность! Какое легкомыслие! Неужели он думает, что удержится? Где? В России? Да через три года Россия будет, как Китай, раздрана на клочки, на провинции, на сферы влияния... Самой сложной машиной через три года в России будет колодезный журавль!

Она заговорила все так же серьезно: — Юлий. Ты ошибаешься. Ты не понимаешь, не можешь понять, какие силы в рабочем классе... Ты ошибся. Он лучше знает. Ты его не понял. Никогда его не понимал. Поверь мне. Я тоже не понимала. Мы его воспринимали в бытовом плане. Как умного, образованного, обаятельного и целеустремленного человека, нашего хорошего знакомого и вечного оппонента. Мы не учитывали силу его понимания масс и влияния на массы, его слитность с массами...

Мартов долго молчал, потом потушил примус и заговорил в наступившей тишине шепотом, но яростно и убежденно: — Не хочу, чтобы он меня жалел. Ненавижу его, как раньше любил, — его лицо, и руки, и повадку, и все то, о чем ты говорила, и его убежденность, и скромность, и то, что он тебя сюда послал, и все, что он говорит, что про него говорят... Мы враги. И если уеду, я тоже останусь его врагом... — Он закашлялся, долго кашлял, затем отхаркнул стукот крови в платок, притих и, поглядев исподлобья на Софью Марковну, сказал угрюмо: — Не говори ему, что видела это...

— Хорошо.

— Когда нужен ответ?

— Ответом будет твой отъезд. Или неотъезд.

Она протянула ему руку, он не сразу, но все-таки подал ей свою — вялую и потную — и сказал:

— Прощай.

— Ничего ему не надо передавать? — спросила она, помедлив.

Он помолчал, потом ответил:

— Нет.

ПОЧТИ год спустя, во время одного из заседаний Совнаркома, Ленину принесли первый номер начавшего «Выходить в Берлине нового меньшевистского журнала «Социалистический вестник» под редакцией Мартова. Ленин рассмеялся и сказал:

— Вот и Мартов объявился!..

— И как это он сумел пробраться за границу? — удивился один из наркомов.

— ЧК прощляпила.

Лукаво прищурясь, Ленин повернул лицо к Дзержинскому:

— А? Вы слышите, что про вас говорят?

— Что ж, и мы не без изъяна, — сказал Дзержинский, и лицо его осталось непроницаемым.

— Кто знает, — заметил другой нарком, — может быть, оно и хорошо, что чекисты прощляпили. Лишний враг в Берлине не так опасен, как он же в венке мученика в советской тюрьме.

Ленин в связи с этим разговором вспомнил о Софье Марковне. После заседания, уже спеша на пленум Московского Совета, где ему предстояло выступить с докладом, он на ходу спросил у секретарши:

— Помните Софью Марковну? Случалось вам с ней встречаться после того вечера? Не нуждается ли она в чем-нибудь?

Секретарша грустно усмехнулась: — Нет, она уже ни в чем не нуждается. Вскоре после встречи с вами она уехала на польский фронт. Там она умерла от сыпного тифа.

Ленин оцепенел на мгновение.

— Так, так, — сказал он и стал поспешно надевать пальто.

«Известия» 1962 г.

20 апреля